
ПРАВО ИНДИВИДА И ПРАВО НАРОДА НА САМОБЫТНОСТЬ В РЕАЛИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Напсо М. Д., Напсо М. Б.*

В условиях глобализации этнонациональные интересы находятся под сильным влиянием таких факторов, как унификация образа жизни, стандартизация потребностей и ценностей, фрагментация культур, их гибридизация и конструирование. Будучи направленными на сохранение коллективной идентичности, они входят в определенное противоречие с процессами глобализации. Проблема сохранения самобытности народов приобретает все более острый характер. В наше время коллективные права становятся действенным механизмом защиты самих этнических общностей от многочисленных разрушительных воздействий, что крайне актуально в условиях глобализации. Поэтому сохранение самобытности должно основываться на защите прав самих ее носителей – групп и индивидов, что в одинаковой мере относится к проблеме соблюдения и прав человека, и прав народов и отдельных этнических групп.

Ключевые слова: глобализация, культура, этнонациональный, этнонациональные интересы, право, полиэтничность, идентичность.

In the terms of globalization ethnonational interests are under the strong influence of such factors as unification of the way of life, standardization of requirements and values, fragmentation of cultures, their hybridization and structuring. Being directed to the preservation of collective identity, they are in a certain conflict with globalization processes. The problem of preservation of peoples' identity gets more and more acute. Nowadays collective rights become the effective mechanism of protection of ethnic communities from numerous destructive influences that is extremely important under the conditions of globalization. Therefore, preservation of originality must be based on the protection of the rights of its carriers – groups and individuals that equally relates to the issue of respect for the human rights, rights of peoples and separate ethnic groups.

Keywords: globalization, culture, ethnonational, ethnonational interests, right, polyethnicity, identity.

Множественные глобализационные угрозы (нивелирование и унификация культур, интересов, потребностей, масштабные миграции и активные процессы смешения населения, господство информационных технологий и т. п.) в первую очередь затрудняют процесс сохранения и воспроизведения этносов как отдельных социальных групп, являющихся носителями своеобразных культур. Растущая

* Напсо Марианна Давлетовна – доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии.

Напсо Марьяна Бахсетовна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского юридического института (филиала Саратовской государственной юридической академии). E-mail: napsu.maryana@mail.ru.

диаспоризация социальных процессов создает общества, состоящие из множества традиций, которые перестали быть привязанными к определенной территории и представлять собой единое целое, – культура стала фрагментарной, представленной большим числом диаспор, оторванных от национального ядра и разбросанных по всему миру. А это снижает этнические возможности по, как это принято говорить, организации пространства и времени, их «склеиванию» посредством общей идентичности, солидарности и коллективной памяти. Все это представляет реальную и наибольшую опасность в первую очередь для этнонациональной самобытности, которая имеет исключительную важность для этнического развития и самочувствия, для существования этнической общности как таковой.

Главная сложность заключается в соединении доминант модернизации и политико-правового, историко-культурного, нравственно-идеологического контекста модернизирующихся обществ. Истинно национальные (государственные) и этнонациональные интересы лежат в плоскости не только сохранения исконной духовно-культурной парадигмы общества, но и утверждения в новых условиях. Поэтому этнонациональные интересы в условиях глобализации имеют ярко выраженный противоречивый, антиномичный характер: с одной стороны, они призваны выполнять защитную функцию, с другой – проектную, заключающуюся в необходимости, готовности и способности адаптироваться к новым условиям и быстро, постоянно изменяющимся реалиям.

Этой новой реальностью является постмодерн. Глобализация, по мнению многих российских и западных философов и социологов, есть наступление эпохи постмодерна [Куда движется... 2014]. Чтобы проиллюстрировать, насколько сложно вхождение и пребывание этнонационального в пространстве постмодерна, приведем его некоторые характеристики:

– «самым ценным качеством становится *гибкость*: все компоненты должны быть легкими и мобильными, так чтобы их можно было мгновенно перегруппировать <...> Прочность – это проклятие, как и постоянство в целом, теперь считающееся опасным признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру...» [Бауман 2004: 562–563];

– «*турист*... центральная фигура постмодернистской эпохи. Он пересекает континенты, желая вкусить культурной экзотики, которая не более чем любопытна. Здесь не предполагается ангажированность теми смыслами и ценностями, которыми насыщена инокультурная среда. Напротив, чувство отстраненности от нее...» [Панарин 2003: 18];

– макдональдизация представляет собой новый тип рациональности: эффективность, предсказуемость, калькулируемость и контроль, но без непосредственного участия человеческого фактора, то есть дегуманизация человеческих отношений (сведение контактов между людьми, общения до минимума), а значит, усиление отстраненности и уменьшение созидательности (Дж. Ритцер);

– играизация – новый стиль жизни, предполагающий «парадоксальное сочетание реального и виртуального», «посредством саморефлексии *успешные* игровые и эвристические практики социально конструируются, а затем включаются в хозяйственно-экономические, политические, культурные структуры»; играизация «не знает правил, напротив, она их постоянно корректирует, что предполагает изменение... сознания и, соответственно, постоянное создание новых алгоритмов поведения» [Кравченко 2004: 584–585];

– превращение потребительского общества в общество, потребляющее знаки, символы; нет таких символов, которые не стали бы товаром: символический обмен не обеспечивает неразрывную связь с прошлым, а разрушает ее, равно как и прежнюю систему социальных отношений, власть современных СМИ как раз таки и основана на манипулировании кодами, в которых в концентрированном виде нашли выражение те или иные символы (Ж. Бодрийяр);

– постепенно – посредством серии последовательных отстранений символов от сущности реальности – символический обмен приводит к утверждению гиперреальности (сначала символ маскирует реальность, затем искажает ее, потом скрывает отсутствие сущности, затем и вовсе перестает с ней соотноситься, переходя в состояние подобия или видимости) – так формируется мир симулякров, то есть знаков и образов, оторванных по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, являющихся фальсифицированными «копиями копий», подделками, утратившими идентичность образа, и симуляций, то есть знаков, образов символов, приобретших самодостаточную реальность [Кравченко 2004: 564–571].

В мире симулякров и симуляций, где массовое и масштабное распространение суррогатных продуктов заменяют собой реальные знаки и утверждают иллюзию реальности, труда, творчества, нравственности, политической деятельности и т. п., этнонациональные интересы, процесс их формирования и защиты оказываются в большой опасности превратиться в одну из форм их проявлений. И это грозит постепенным разрушением исконных духовно-культурных основ общества.

В условиях растущей взаимозависимости государств, сообществ, народов возможности одностороннего выбора форм, методов действий ограничиваются. И ограничиваются не только необходимостью взаимодействия, учета особенностей, прав, интересов других субъектов общественных отношений (особенно в плане возможных последствий), морально-этическими нормами, но и установленными демократическими стандартами, а именно: а) каждый человек должен обладать всеми основными правами и свободами; б) каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной; в) воля народа должна быть основой власти правительства. Эта воля находит выражение в регулярных демократических выборах; г) должно быть обеспечено верховенство права. Коренные интересы этнонационального развития перестали быть не только личным делом народов, этносов, но и внутренним делом государств и поставлены в зависимость, как видим, от соблюдения прав человека, признания приоритета принципов демократии и верховенства закона. Следовательно, не только государства, но и народы «суверенны в своих демократических правах и обязанностях в условиях демократического правопорядка» [Лукашук 2000: 145].

И, наконец, удовлетворение этнонациональных интересов находится в зависимости от интересов международного сообщества и интересов государства. Следует принять во внимание и тот факт, что сейчас интересы международного сообщества перешли из плоскости государствоцентризма в гомоцентризм, то есть на первый план вышли функции международной защиты прав и свобод человека, что ведет к расширению сфер и интенсификации внешнего регулирования. Как в свое время заметила Г. В. Старовойтова, в истории политико-правовой мысли начиная со времен Французской революции и до идей двадцать восьмого президента США Вудро Вильсона коллективное право рассматривалось как второсте-

пенное или даже третьестепенное в сравнении с правами индивида и государств [Султанов 2002: 191].

Именно предпочтение прав гражданина правам человека – представителя определенной национальности, на наш взгляд, есть то противоречие, которое лежит в основе противостояния национальной глобализации. Такой подход действителен только на определенном этапе, но он создает лишь иллюзию гомогенного состояния общества: равенство в демократических правах и свободах не заменяет другого данного от рождения права – права национальной принадлежности. Однако зависимость между развитостью первых и успешностью реализации второго вполне очевидна. Этнонациональное всегда требует своей ниши и стремится сохранить себя как *особое* единение, а не как простая совокупность граждан. Для этого вовсе не обязательно автономия, суверенитет, самостоятельность, территориальная прикреплённость и т. п. – зачастую это стремление заявить о себе и быть признанным как самобытное сообщество, имеющее право на ее сохранение (что особо актуально для малочисленных народов и национальных меньшинств). Показателен пример Канады в решении этой проблемы. Если раньше национальные меньшинства практически выбирали, с какой культурой – английской или французской – им интегрироваться, то сегодня правительство страны, отказавшись от навязывания того или иного выбора, пошло по пути поддержки культурного своеобразия самых разных этнокультурных меньшинств [Опальски 1996: 187].

Нужно отдать должное российским ученым, которые всегда отмечали как явную односторонность решения национальных проблем через провозглашение приоритета прав человека (западная модель), особенно для полиэтничных сообществ, так и опасность упрощения национального, его низведения до уровня культов, обрядности (так называемая редукция национального), равно как и его определенной элиминации (изъятия) из правотворчества. Многие убеждены, что защита этнонационального есть особая роль государственного суверенитета.

Культурные различия определяют специфику жизненных потребностей, обусловленных историческими, географическими, политическими и иными особенностями, и степень их удовлетворения зависит от множества факторов, среди которых особую роль играют исконность происхождения, особая связь с территорией происхождения, численность этнической группы, проживание в государстве происхождения или за его пределами, компактное или дисперсное расселение, доминирующее или недоминирующее положение, уровень этнической солидарности, наличие или отсутствие причин, ухудшающих положение той или иной этнической общности. Уже стало традиционным признание особых коллективных прав за коренными народами и теми этническими общностями, которые находятся в численном меньшинстве, в недоминирующем положении за пределами государства происхождения, в худших – с точки зрения реализации прав и в особенности права на собственную самобытность – условиях, то есть меньшинствами. Безусловность коллективного и индивидуального права на культурные различия международное право признает именно за такими этническими группами и их представителями.

При этом продвижение коллективных прав по пути их признания началось с признания значимости национальных чувств, понимания «вечности» стремления этнической общности к самосохранению и самоутверждению и осознания того, что индивидуальное право человека идентифицировать себя с определенной общ-

ностью не может быть полностью реализовано без наличия аналогичного права у этнической общности: самобытность есть свойство этнической группы, защита самобытности предполагает защиту этнической группы как таковой, а не каждого ее представителя, отдельно взятого. Нельзя не согласиться с выводом В. В. Кочаряна о том, что «только группа может обладать правом на самобытность, ибо только ей как таковой может быть присущ комплекс этнических, культурных, религиозных, языковых признаков, составляющих содержание ее идентичности, отличающей ее от других групп <...> Такой компонент самобытности, как культура, создается и является продуктом коллективной активности, язык как средство общения тоже функционирует только в группе...» [цит. по: Ахметшина], и с мнением С. С. Юрьева: «Проблема противопоставления индивидуальных и групповых прав во многом искусственна, ибо по своей социальной природе культурные или языковые права не могут не быть коллективными <...> Многие обязанности государств направлены на поддержку культуры, религии, языка, т. е. таких форм проявления самобытности, которые реализуются исключительно в относительно устойчивой социальной группе. В связи с этим представляется, что отсутствие в международных актах характеристики тех или иных прав как принадлежащих именно этнической общности, а не индивиду, обусловлено, скорее, политическими..., чем правовыми соображениями» [Юрьев 2000: 243]. Права и Ф. А. Ахметшина, говоря, что «отдельный человек не может быть “самобытным” в том смысле, какой мы придаем обычно этому понятию. Самобытна может быть культура, образ жизни какого-либо социального коллектива, например меньшинства. Нельзя нанести ущерб самобытности этнической группы в целом, нарушив право одного из членов этой группы на использование родного языка. И напротив, повсеместное запрещение использования языка в местности, населенной меньшинством, может повредить этой самобытности. Таким образом, самобытность – это ценность, принадлежащая социальной общности, а не индивиду, и право на уважение этой ценности является правом меньшинства, т. е. коллективным правом» [Ахметшина]. Поэтому в основе регламентации права на самобытность должна лежать не столько защита культуры, языка, традиций, верований, сколько *защита прав самих носителей* – групп и индивидов, что в одинаковой мере относится и к вопросу соблюдения прав человека, народов, отдельных этнических групп (национальных меньшинств, коренных народов).

Право индивида на самобытность защищает не саму самобытность, а индивида в его сущностном выражении; так и коллективное право на самобытность есть защита самой этнической общности. Ее право на существование как самобытной этнической общности не менее важно, чем право на существование в физическом смысле. При всей важности последнего заметим, что утрата таких этнических признаков, как язык, территория, традиционная культура, историческая память, крайне губительно действует на этническое самосознание, которое является, как мы уже говорили, важнейшим элементом правосубъектности этнических групп: отсутствие развитого этнического самосознания значительно уменьшает возможности этнической группы выступать субъектом правоотношений, формировать осознанные интересы, выдвигать и защищать их. В условиях глобализации и в эпоху постмодернизма со свойственным им активным замещением традиционных культурных ценностей искусственными конструктами, символами и симулякрами коллективные этнические права можно рассматривать как институциональный

механизм защиты самих этнических общностей. М. Ю. Мартынов, говоря о необходимости соединить сложившиеся два подхода к решению проблем этнических меньшинств – культурный и политический, которые не могут существовать изолированно друг от друга, так объясняет особую роль права на самобытность: «Подлинными гарантиями прав этнических меньшинств могут быть только гарантии политические, но в значительной степени реальным обеспечением прав меньшинств являются права в сфере культуры, воспитания, образования, традиций. В поддержании и развитии самосознания именно культура и язык играют решающую роль» [Мартынов 1998: 28–29].

Нельзя забывать об особой связи этнонационального и территории. Как известно, коллективная идентичность народа основывается на законе трех (или четырех) единств: единстве территории, истории как источнике коллективной исторической памяти, ценностной нормативной системы и языка, посредством которого такое единство постоянно актуализируется в сознании народа. В условиях глобализации все элементы этого единства подвергаются серьезным рискам: территория перестает быть исключительно этнонациональным и государственным достоянием (она легко «взламывается» внетерриториальными факторами глобализации, о чем мы говорили в предыдущих параграфах), история активно пересматривается, морально-этические нормы утрачивают свои былые позиции регуляторов общественных отношений, значительно ограничивается сфера применения национальных языков, происходит активное замещение национальных культурных кодов. Поэтому этнонациональные интересы, которые направлены именно на сохранение коллективной идентичности, и входят в противоречие с процессами глобализации и глобальными интересами.

Особую опасность представляет процесс отрыва этнонационального от территории. Этническая культура всегда территориально укоренена: «Этничность – это приспособление к деятельности на определенной территории; этническая культура – символическая кодификация такой деятельности. Отсюда следует, что культура не может существовать автономно от породившей ее деятельности, а соответственно – и в отрыве от территории... Практически нет экстерриториальных культур...» [Юшкова-Борисова 2005: 177]. Именно наличие собственной территории, гарантированное существование на ней и ее использование в собственных интересах как ничто другое способствуют сохранению идентичности, в особенности когда остальные ее элементы подвергаются активному изменению. Поэтому усиление тенденции государствообразования в современных условиях в значительной степени обусловлено стремлением легитимировать свое право на территорию как на источник воспроизводства культуры.

Не в меньшей мере это обусловлено и тем, что данная культурная составляющая территории входит в прямое противоречие с экономической, когда территория представляет интерес исключительно с точки зрения эксплуатации природных ресурсов. В силу приоритета экономической эффективности многие современные производства и технологии, приносящие сверхприбыль, не нуждаются в населении, привязанном к территории, напротив, они заинтересованы в *мобильной* рабочей силе и в территории, абстрагированной от ее населения. Этнонациональные интересы требуют пересмотра такого критерия успешности развития: экономика территории должна быть ориентирована на ее собственное население, собственные силы (что предполагает постоянное профессиональное совершен-

ствование, повышение уровня знаний, всемерное развитие творческого потенциала, использование передового опыта и его приспособление к местным условиям), на экологическую защиту этой территории, возложение и несение ответственности за ее использование, на предоставление этой территории и для ведения национальных форм хозяйствования.

Однако суверенизация периода глобализации не ведет автоматически к удовлетворению истинных этнонациональных интересов. Последовательные противники глобализации видят в этнонациональной фрагментации результат целенаправленной деятельности по разрушению единых крупных национальных пространств, по превращению больших наций в горстку «карликовых этносуверенитетов», обладающих иллюзорной независимостью, по освобождению *территорий* от этнокультурного единства, общности исторических судеб, единства исторического времени. Демонтаж единого национального пространства, его замена «новым именованным и региональным местничеством» создают качественно иное глобальное пространство, в котором «элиты глобализируются», а «массы “парцеллизируются”», погружаясь в архаику примитивного местничества, изоляционизма, трайбализма и натурального хозяйства», скатываясь в новое Средневековье [Панарин 2003: 20, 15, 16, 26, 134, 135]. Такое «возрождение старой этнической и трайбалистской памяти изменит убеждения огромных масс и соответственно может привести к образованию в новом столетии множества этнически и цивилизационно особых государств» [Уткин 2001: 174]. Утрированность этой позиции позволяет наглядно продемонстрировать риски современной суверенизации и опасность «индивидуалистского» удовлетворения интересов без их естественной взаимосвязи с интересами близких (в разных смыслах этого слова) народов, территорий, государств. В условиях неравномерности глобализационного развития это ведет к тому, что защита национальных (государственных) и этнонациональных интересов становится для одних *привилегией*, для других – *правом*, для третьих – *борьбой за право*.

И эта борьба за право быть этнонационально выраженным зачастую обретает характер бескомпромиссного этнического самоутверждения (то, что принято называть балканизацией, жесткой радикализацией этнонационального проекта), направленного главным образом на распад многонациональных государств и механическое приращение территорий. Ускоренное (да еще и под внешним воздействием) продвижение процесса этнонационального самоутверждения на полиэтнических пространствах «начинено» большим зарядом конфликтогенности еще и потому, что сопровождается обоснованием собственной значимости и неприятия иных, эксплуатацией чувства обиды и несправедливости понесенных потерь, массовым поворотом к старым, архаичным ценностям, превращением этноистории в «золотой век чистоты и благородства», этнокультуры – в проявление национальной гениальности. Таким образом заново открытая традиционная этничность все больше разделяет единые этнопространства на дискретные образования. Эта участь постигла СССР, Югославию, она, вполне возможно, уготована Китаю, раздираемой сепаратизмом Индии, Индонезии, Бирме, Африке, где на огромной территории – от Судана и Эфиопии до Анголы и Конго, в Нигере, Мали, Либерии, Чаде – конфликты могут вспыхнуть в любой момент. В таких условиях – этнодистанцирования, отягощенного конфликтом, – появление правовых норм, ограничивающих иноэтническое присутствие (под предлогом преодоления засилья) либо

наделяющих аборигенное население привилегиями, вполне закономерно (как это происходит, например, в государствах Прибалтики, на Украине, в Грузии). Как закономерна и массированная «информационная» дискредитация народов, с которыми происходит размежевание (русофобия в странах бывшего СССР, сербофобия на Балканах), начинающаяся с развенчания деятельности отдельных лидеров, их режимов и заканчивающаяся уничтожением целых народов, искусственным снижением их этностатусов. В самую пору говорить о правовых механизмах защиты чести и достоинства народов.

В вопросе о защите этнонациональных интересов стало общим местом утверждение о необходимости конституционно-правовым путем обеспечить учет интересов коренного населения, в особенности коренных малочисленных народов, национальных меньшинств (которые стали толковаться расширительно как представители того или иного народа, проживающие в окружении инационального большинства, независимо от того, имеют ли они на территории государства свою автономию) и, наконец, диаспор (этнических групп, проживающих вне своей этнической родины на территории иных государств). Внешняя простота этого тезиса требует сложнейшей и скрупулезнейшей работы в определении правовых механизмов защиты интересов названных групп не только в отдельности, но и в их совокупности, а также с учетом интересов большинства населения и государства в целом, что находится в прямой зависимости от специфики отдельно взятого региона.

Очевидно, что характер защиты этнонациональных интересов коренных народов, ставших на своей территории малочисленными народами и проживающих в инациональном большинстве, и коренных народов, составляющих большинство (подавляющее большинство) либо являющихся достаточно многочисленными, будут изрядно различаться. Если для первых установление тех или иных привилегий (в силу наибольшей актуальности проблемы самосохранения перед угрозой ассимиляции) вполне приемлемо, то для вторых – вряд ли: политико-правовое закрепление особых прав с большой долей вероятности может обернуться дискриминацией всех остальных по национальному признаку. Как видим, процесс правового обеспечения этнонациональных интересов затрудняется тем, что носителями этих интересов являются многочисленные (родственные и нет) этнические сообщества и образования, различающиеся по степени целостности, а также территориально, экономически, демографически, социально, культурно, религиозно, ментально, то есть имеющие множество отличий (и нюансов отличий). Следовательно, наибольшую сложность будет представлять механизм обеспечения правовых принципов и норм. Приходим к выводу о том, что внутригосударственным и международным правом должен быть предусмотрен самый широкий спектр форм, позволяющих отстаивать не только различные этнонациональные интересы, но и интересы различных народов и этнических групп. И модель их конкретной реализации должна быть поставлена в зависимость от специфики того или иного региона.

Кроме того, реализация «принципа гарантизма» (обеспечение официального статуса языкам, преподавание языка своей национальности, доступ к СМИ и т. д.) не должна нарушать баланса индивидуальных и групповых прав, «сталкивать» права человека с правами народов (интересы разных народов), создавать между ними конкуренцию. Это актуализирует проблему использования правовых огра-

ничений, определяющих объем регулирования, границы имеющихся прав (по С. С. Алексееву), рассчитанных на сдерживание противоправного поведения (по А. В. Малько), на удержание общественных отношений в ограниченных рамках (по Ф. Н. Фаткуллину), тем самым создающих условия для удовлетворения интересов всех участников общественных отношений [Тутинас 2000: 96, 97]. Тем более что позитивная энергия этнической мобилизации и консолидации может превратиться в этническое подстрекательство, в конфликт.

Весьма актуальной в условиях глобализации и наиболее сложной является проблема защиты этнонациональных интересов малых этносов (на территории почти 150 многоэтничных государств их более трех тысяч), постоянно находящихся в состоянии страха растворения в более многочисленной этнической среде. Возможности политического самоопределения на этнической основе для них объективно ограничены, политика этнического размежевания неплодотворна. Однако это не означает отсутствия права на саморазвитие, достойное существование и собственную идентичность – просто оно реализуется в условиях сосуществования, обеспечиваемого посредством института федерализма. Именно федерализацию полиэтничных государств вполне справедливо считают наиболее оптимальным методом полноценного функционирования единого государства: она естественным образом объединяет разнородность территорий и сообществ, соединяет две главные тенденции глобального развития – интеграцию и регионализацию («этнонационализацию»).

Международный и российский опыт свидетельствует о том, что рано или поздно полиэтничные государства неизбежно приходят к необходимости децентрализации власти, федерализации и их конституционному закреплению. Очевидно, что главной проблемой для многонационального государства становится создание эффективных конституционно-правовых механизмов, которые обеспечивали бы, с одной стороны, самостоятельность организации жизнедеятельности отдельных этнических сообществ (реализацию этнонациональных интересов), с другой – их включенность в решение задач общегосударственного масштаба (учет этнонациональных интересов), в-третьих, целостность государства (единство общенациональных и этнонациональных интересов). Другим не менее важным моментом является выбор того или иного типа общегосударственного устройства (федерации как единства): 1) государственно-территориальных образований; 2) национально-территориальных автономий; 3) национально-культурных автономий. С. А. Авакьян считает, что выбор зависит «не только от наличия различных национальностей, но и от их численного соотношения, исторических корней и связи с территорией (на ней они жили всегда или же когда-то сюда переселились) и т. д. Если в государстве есть различные более или менее соразмерные национально-этнические общности и территории их традиционного проживания, может создаваться федерация по национальному признаку как союз национальных государств. Но если есть одна большая нация, проживающая на всей территории государства, и есть небольшие – относительно этой нации – национально-этнические общности, территории которых своеобразно “вкраплены” в единую территорию, то вполне допустимо создание национально-территориальных автономий для соответствующих национально-этнических групп» [Авакьян 2001: 7]. Но все не так просто и однозначно: содержание таких критериев, как аборигенность, исконность, древность происхождения, территориальная

принадлежность, общность (территории, корней, истории и т. п.) и даже численность, всегда пересыщено национальным субъективизмом, национальными чувствами, этностатусными представлениями, мифами и этноавтостереотипами.

В современных условиях можно вполне определенно говорить о выраженном стремлении этносов заявить о себе как о государствообразующей нации, о своем праве на создание государства, преимущественно мононационального. Не в последнюю очередь это связано с тем, что образование национального государства позволяет поднять этнонациональные интересы до уровня государственных, соединить их с общественно-государственными в единое целое, в совокупность общественно-публичных интересов, а также выразить их и в международном праве. Последнее – наличие явных преимуществ, связанных со статусом субъекта международного права, в том числе и в отстаивании этнонациональных интересов, – играет главную роль во «всеобщем стремлении» к обретению государственной независимости. «...В процессе образования национального государства наиболее важная роль принадлежит факту внешнего, международного признания, даже независимо от внутреннего состояния и уровня национальной идентичности. Можно согласиться с утверждением И. С. Тарасова о том, что сегодня каждый новый субъект международного сообщества автоматически получает статус национального государства. И, как утверждает А. М. Салмин, “нацией становятся в силу признания”» [цит. по: Блинов 2003: 38–39]. Известный американский юрист-правовед Т. Франк замечает: «Может показаться странным, но международная система, признавая статус, голос и блага лишь за теми этническими и племенными общностями, которые достигли государственности, поощряет активный сепаратистский национализм». Но приведший эту цитату И. И. Лукашук высказывает несогласие и утверждает, что «сепаратизм и национализм стимулируются не международной системой, а соответствующей общественно-политической системой государств, которая не обеспечивает законных прав и интересов национальных меньшинств. Чем более крупным и единым является государство, тем больше его возможности обеспечить интересы своего населения, включая меньшинства» [Лукашук 2004: 57]. При всей справедливости точки зрения Лукашука, практика современной глобализации доказывает справедливость и мнения Франка.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что глобализация проходит под знаком иммиграционного (миграционного) общества, которое уже становится правилом, а не исключением. Гетерогенность как следствие иммиграций, миграций отличается от гетерогенности как результата этногенеза. Поэтому проблема защиты этнонациональных интересов иммигрантов, мигрантов приобретает весьма актуальный характер и является одной из самых сложных: в основу легитимации их права быть национально выраженными не могут быть положены ни абorigенность, ни исконность территории, ни автохтонность культуры – все то, к чему обычно апеллируют коренные этносы. В такой ситуации особую ценность приобретает институт гражданства, содержание которого все больше пересматривается: с ним связывают наличие не только экономических, социальных, политических прав, но и этнокультурных.

Массовые миграции, экономическая интеграция, размывающие политические и этнокультурные границы, создают поликультурные пространства нового типа, и этим реалиям должен соответствовать иной *modus vivendi*, который смог бы, с одной стороны, сохранить культурную идентичность местных народов и их тер-

риторий, с другой – обеспечить возможности социальной мобильности и роста многообразия. Следовательно, вопрос вопросов – как соединить объективно необходимые автономию и интеграцию, столь же объективно противостоящие друг другу. Автономия и интеграция предлагают институциональные возможности на основе равенства подойти к культурным различиям. Только тогда, когда различные культуры рассматриваются как легитимные, возможна поликультурность. Признание различия делает необходимой определенную автономию в практике государственной жизни. Однако остается поле напряжения между автономией и интеграцией, препятствуя, с одной стороны, ассимиляции, а с другой – ползучему геттоизированию. Многие видят выход в целенаправленном развитии гражданской, политической идентичности, политической лояльности, лояльности к своему гражданину, двойной идентичности – политической и культурной (например, афроамериканец, испаноамериканец, немецкошвейцарец). В такой амбивалентности находят выражение связь происхождения и гражданства, сочетание интересов частной и коллективной природы. Высказывание Ю. Хабермаса о том, что политическое общество может требовать от своих граждан политической лояльности, но не культурной ассимиляции, хорошо известно [Альтерматт 2000: 314, 315, 318].

Как видим, соразвитие глобализации и национального мира – процесс сложный и болезненный. Еще на заре XX в. испанский философ Х. Ортега-и-Гассет писал об объединении Европы не только как о шансе преодолеть «комплекс малых наций», комплекс европейцев-провинциалов, разрушить оковы замкнутого национального существования, но как и о «грандиозной драме» преодоления самих себя [Ортега-и-Гассет 1989: 135–136]. Поэтому уже в наши дни Ж.-Л. Амселль пишет, что «парадокс современной глобализации заключается в том, что, отнюдь не размывая идентичности..., она <...> заново проявляет и ужесточает в такой степени, что они принимают форму этнического национального...» [Амселль 2002: 92]. С одной стороны, глобализация – активный процесс интернационализации всех сфер общественной жизни, позволяющий преодолеть узость и ограниченность национального, с другой – взаимопроникновение культур, делающих идентичность более гибкой и открытой, с третьей – это утверждение самобытных культур в новых условиях. М. Кастельс прав, утверждая, что в условиях глобализации идентичность отнюдь не обречена быть только идентичностью сопротивления, она сохраняет за собой свое главное предназначение – помогать людям определять свое «я». И это вкупе с новой идентичностью, дающей возможность ориентироваться в сферах экономики, политики, образования, потребления и т. п., позволит индивиду, группе, обществу включиться в новый мир, осознать свою современность, при этом сохранив свою автономную идентичность [см.: Кастельс 1999: 300].

Литература

Авакян С. А. Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран / С. А. Авакян // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. М., 2001. С. 7. (Avakyan S. A. National question and state building: the problems of Russia and experience of foreign countries / S. A. Avakyan // National question and state building: the problems of Russia and experience of foreign countries. Moscow, 2001. P. 7).

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. (Altermatt U. Thy ethnationalism in Europe. Moscow, 2000).

Амселль Ж.-Л. Глобализация: большой дележ или плохое упорядочение? / Ж.-Л. Амселль // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 3. (Amselle J.-L. Globalization: big sharing or bad streamlining? / J.-L. Amselle // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2002. Vol. 5. No. 3).

Ахметшина Ф. А. Право на самобытность и решение вопроса средствами высшей школы [Электронный ресурс]. URL: <http://globkazan.narod.ru/2003/a19.htm>. (Akhmetshina F. A. The right for identity and solution of the problem by means of higher school [Electronic resource]. URL: <http://globkazan.narod.ru/2003/a19.htm>).

Бауман З. Индивидуализированное общество / Кравченко С. А. // Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2004. С. 562, 563. (Bauman Z. The individualized society / Kravchenko S. A. // Sociology: paradigms through the prism of the sociological imagination. Moscow, 2004. Pp. 562, 563).

Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: политико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. (Blinov A. S. National state in the conditions of globalization: political and legal aspect: Thesis. ... Cand. Sc. Law. Moscow, 2003).

Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. (Castells M. The power of identity // New post-industrial wave in the West. Anthology. Moscow, 1999).

Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2004. (Kravchenko S. A. Sociology: paradigms through the prism of the sociological imagination. Moscow, 2004).

Куда движется век глобализации?: сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. (Where is the age of globalization moving?: collection of articles / ed. by A. N. Chumakov, L. E. Grinin. Volgograd: Uchitel, 2014).

Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. (Lukashuk I. I. Globalization, state, law, 21st century. Moscow, 2000).

Лукашук И. И. Субъекты права международных договоров // Государство и право. 2004. № 11. (Lukashuk I. I. Subjects of law of international treaties // Gosudarstvo i pravo. 2004. No. 11).

Мартынов М. Ю. Политика государств Европы // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998. (Martynov M. Yu. European states policy // Ethnic problems and European states policy. Moscow, 1998).

Опальски М. Проблемы мультикультуральности // Политические исследования. 1996. № 4. С. 187. (Opalski M. Multiculturalism problems // Politicheskije issledovaniya. 1996. No. 4. P. 187).

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 135–136. (Ortega-y-Gasset H. The revolt of the masses // Voprosy filosofii . 1989. No. 4. Pp. 135–136).

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003. (Panarin A. S. The temptation by globalism. Moscow, 2003).

Султанов И. Р. Соотношение норм внутригосударственного и международного права в реализации права народов на самоопределение: методологический аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. М., 2002. (Sultanov I. R. Correla-

tion of the norms of internal and international law in realization of peoples' right for self-determination: methodological aspect // Questions of national and federative relations. Moscow, 2002).

Тутинас Е. В. Права личности и межнациональные конфликты. Ростов н/Д., 2000. (Tutinas E. V. Rights of the individual and international conflicts. Rostov-on-Don, 2000).

Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. (Utkin A. I. Globalization: the process and comprehension. Moscow, 2001).

Юрьев С. С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., 2000. (Yuryev S. S. Legal status of national minorities (theoretical and legal aspects). Moscow, 2000).

Юшкова-Борисова Ю. Г. Россия и ее население // Политические исследования. 2005. № 3. С. 177. (Yushkova-Borisova Yu. G. Russia and its population // Politicheskije issledovaniya. 2005. No. 3. P. 177).